

Есть в числах красота, и разум, и порядок:
И знают, что хотят, и делают, как надо.

Пит Хейн

Посвящается Яну Уле

И тебе, живущему в маленьком местечке, где весь центр можно проехать на велосипеде за полминуты, тебе, кто слишком часто летает повсюду, тебе, у кого есть магические мысли, тебе, кто пишет стихи, танцует и мечтает, тебе, кто каждый вечер ложится спать, чувствуя, что мир огромен, — это так.

МИР ОЖИЛ

Сегодня мир снова ожил. Сегодня мой первый день в седьмом классе, и наконец в Снеккерстаде появился еще кто-то, кроме меня, Мелики и Криса. Люди вернулись из отпусков загорелыми, румяными и довольными. Я тоже довольна: мне только что исполнилось двенадцать, а двенадцать — почти прекрасное число.

Я стояла перед зеркалом и расчесывалась: пять раз с левой стороны, пять раз с правой. Всего получилось десять, а десять — самое лучшее число. Волосы у меня каштановые и совершенно непослушные. Моя мама, Малин, говорит, что они отражают мой характер.

Я катила на велосипеде по освещенной дорожке в лесу. Пахло землей и уходящим летом. Я ехала быстро, и ветер трепал мои волосы.

Теперь все начиналось снова.

Велопарковка у школы была почти заполнена. Я нашла место с одной стороны, обошла канализационный люк и быстро пересекла школьный двор. В классе у самой двери сидели Ямила и Кристине. Когда я прошла мимо Кристине, она

захлопнула дневник. Мелика увидела меня и улыбнулась. Она, как и до каникул, сидела в центре среднего ряда. Ее черные прямые волосы поблескивали на солнце. Я улыбнулась в ответ и незаметно положила записку ей на парту.

— S-s-sorry¹, — сказал Крис, когда я села сзади у окна. — Был з-з-занят.

— Да понятно, Крис, — ответила я и посмотрела на часы.

Сама опоздала. Я достала совершенно новую желтую нелинованную тетрадь.

— Так, вот и Петра на месте. Думаю, мы начнем!

Это сказала Сольвейг. Она стояла у доски, загоревшая, в длинном зеленом платье.

Петра — это я.

Петра значит «камень» или «скала».

— Все хорошо провели лето?

Сольвейг посмотрела на нас, и кто-то ответил «да», а Крис только моргал и ждал, когда она спросит про математику. У нас с ним все каникулы был «летний клуб» за колонной в «Быстропиве». На самом деле это заведение называлось «Быстро: пиво и бургеры», но все говорили просто «Быстропиво». И пока я читала целую стопку еженедельников, которые достались «Быстропиву» от соседнего парикмахерского салона, Крис решал задачи в учебнике

¹ Извини (англ.). Здесь и далее — примечания переводчика.

математики для седьмого класса. Когда Крис занимался математикой, он был спокоен. Он сидел, одну руку приставив ко лбу, словно козырек от солнца, а другой писал ответы — почти всегда правильные.

— Я з-з-з-закончил, — сказал он в мой день рождения. Шел дождь, и Малин дала нам какао, хотя было лето.

Крис тяжело дышал — я знала это дыхание еще с детства.

— Ты решил *весь* учебник? — спросила я.

В глазах Криса сверкнули искорки и он кивнул.

Хорошо, что можно просто кивнуть в ответ, особенно если человек такой, как Крис. Слова у него словно застревали намертво в горле. Из-за того, что ему так трудно было вытащить из себя эти слова, они копились внутри и вырывались наружу, словно снежный ком, или хлопок двери, или брошенный в чью-то голову ластик. Поэтому Криса направили к ПП — педагогу-психологу. И теперь они думали, что он перестанет швыряться ластиком в людей.

— П-п-п-полудурки и п-п-поросята, — сказал Крис. Я засмеялась.

Шел урок математики, Крис сидел, держа ладонь, как козырек, и ждал, когда можно будет поднять руку. Математика — единственный предмет, на котором Крис тянул руку вверх. Числа в его горле не застревали.

Я смотрела, как Сольвейг шевелит губами и машет руками у доски. Ямила что-то прошептала Кристине. Сандра смотрела на них. Коре по прозвищу Орган быстро делал пометки в черновике. Он тоже наверняка уже решил все задачи в учебнике. Дина-Комп сидела в наушниках и тыкалась в игру.

— Да, Крис? — сказала Сольвейг.

— Пятнадцать, — произнес Крис рядом.

— Совершенно верно, — откликнулась Сольвейг.

Я не знала, на что он отвечал, но загордилась и улыбнулась Крису. Он быстро заморгал.

Я тоже любила числа. Точнее, я любила четные числа. Четные числа создавали равновесие во вселенной. Неважно, складываешь ли ты два четных или два нечетных числа, — результат будет четным. Это превосходно. Одинокие нечетные числа мне не нравились — их нельзя поделить пополам, не повредив.

Это как стихи из еженедельника «Прекрасная жизнь». Примерно в середине или ближе к концу там печатали так называемый стиш недели. Мой любимый стиш нынешнего лета — вот этот:

*День сегодняшний рассветом озарит,
Если ты для новых радостей открыт!*

Я не была уверена, что хорошо понимаю смысл стиша, но как же здорово, когда слова рифмуются! Стиш — словно два нечетных числа, которые становятся четным, если их сложить друг с другом.

Некто по имени Пит Хейн² — вот кто посылал туда эти стихи. Внизу было написано, что он математик, поэт и гражданин мира. Я спросила Малин, что значит «гражданин мира», и она сказала, что на свете бывают не только шведы или норвежцы или и то и другое, как я. Еще есть люди, перед которыми весь мир.

Перед Малин тоже должен был открыться весь мир. Она приехала в Норвегию, чтобы работать и путешествовать, а вместо этого появилась я. Все вещи Малин уместались в ящике в гостиной: атлас, шведский паспорт и книга, на обложке которой было по-шведски написано «Азия».

— Но как мы можем определить длину окружности земного шара? — спросила Сольвейг, стоя у доски. — Или вот этого круга?

Она нарисовала круг. У нее был красивый почерк. Я открыла желтую тетрадь с нелинованными листами и на первой странице написала «СТИШИ». Подумала про то, что сказала Малин, когда мы сидели за столиком на летней веранде и отмечали мой день рождения.

² Пит Хейн — датский ученый, писатель, изобретатель, художник и инженер, автор коротких стихотворений, известных под названием «груки». Груки были очень популярны, трижды чуть не принесли автору Нобелевскую премию. Так как слово «groot» имеет исключительно английское происхождение, переводчик выбрал более понятное русскому уху слово «стиш».

— Ты ведь тоже можешь писать стихи, — заметила она.

Желтая тетрадь была завернута в синюю шелковистую бумагу. Народу собралось немного, когда у тебя день рождения летом, все разъезжаются. Пришли Крис и Конрад, но Мелики не было. Ее родители считали, что «Быстропиво» — не подходящее для детей место.

— Ты можешь устроить праздник с одноклассниками и потём, — сказала Малин, но я не была уверена, что хочу. Надо бы пригласить всю компанию с затона. Тура Мартина, Марион, Эйвинда и остальных, с кем мы играем там в футбол. Но никто из них, кроме Криса и Мелики, не учился в моем классе.

Ямила, Кристине и Сандра наверняка с удовольствием пришли бы на праздник, если бы там были Тур Мартин и компания. На каждой перемене они стояли и поглядывали в сторону старшей школы. Но обычно никто не обращает внимания на тех, кто просто стоит и глазеет. Когда они не пялились на старшеклассников, то хихикали и обсуждали других — например, Криса, который заикается, кидается вещами и надевает шорты в школу, хотя на дворе зима.

Я посмотрела на Криса. Он рисовал круги циркулем.

— Петра?

Сольвейг стояла у доски и смотрела прямо на меня.

— Да? — откликнулась я и посмотрела на нее в ответ.

— Ты с нами или где-то в другом месте?

Ямила захихикала. Кристине приподняла брови, медленно жуя жвачку.

Крис, спрятавшись за мной, показал на окружность в своей тетрадке по математике. Наверняка Сольвейг меня о чем-то спросила.

Я посмотрела на круг. И на то, что написано сбоку: $3,14 = \pi = \text{пи}$.

— Пи? — произнесла я.

Сольвейг кивнула.

И тут она рассказала, в чем особенность числа пи: оно не заканчивается. $3,14$ — и дальше бесконечная череда знаков после запятой. Они продолжают и продолжают, уходя в вечность.

У меня начало покалывать в руках, звуки поплыли все дальше и дальше. Я смотрела на Крису и никак не могла сфокусировать взгляд. Я представила себе цифры, которые не заканчиваются, и меня затошнило — все сильнее и сильнее. Показалось, что меня сейчас вырвет.

И это случилось. Шел мой первый день в седьмом классе, и меня стошнило прямо на парту.

ПРЕВОСХОДНЫЕ ЧИСЛА И МАГИЧЕСКИЕ МЫСЛИ

В Америке есть ЦРУ, а у нас в Снеккерстаде есть ППУ — психолого-педагогические услуги. Они следят за тем, чтобы люди не воровали, не заикались или не шатались где ни попадя. Например, Тур Мартин из восьмого класса, с которым мы играем в футбол около затона, все время шатается где ни попадя. Поэтому его заставляли ходить к «пэпэушникам». Его мать ужасно ругалась на них и говорила, что в их семье шило в одном месте — обычное дело.

Сейчас она сидела на скамейке напротив кабинета ППУ в конце длинного коридора в ратуше. Я сидела рядом и думала: может, в нашей семье тошнота — обычное дело? Вдруг, например, Малин тоже как-то раз вырвало прямо посреди урока?

Дверь открылась, и вышел Тур Мартин. Я опустила взгляд и спрятала лицо под курткой.

— Можете взять эти свои диагнозы и спустить их в унитаз! — заявила его мать мужчине в дверях. Мужчина был очень высоким, со светлыми волосами средней длины и вытянутым носом.